

элементов украинского и русского происхождения и таким образом внести посильный вклад в разработку общей проблематики. Такая задача, на наш взгляд, стоит по своей злободневности в повестке дня румынской славистики тем более, что намеченная проблема в целом еще не была подвергнута специальному исследованию.

2

Хотя к наименованию изучаемого явления нет единого подхода (что, собственно говоря, является частным случаем более общего недостатка — отсутствия унифицированной лингвистической терминологии), почти все исследователи сходятся мнением насчет его сущности, вкладывая в используемые ими термины¹ примерно одно и то же содержание. Вкратце оно сводится к следующему. В процессе адаптации чужеродные лексические элементы приобретают новые грамматические признаки, а звуки и особенности акцентуации, которые не подходят под фонетические нормы заимствующего языка, подвергаются изменению (модификации или субституции), чтобы свести к возможному минимуму насилие над этими нормами². Что касается иностранных слов, получивших полное право гражданства, то они и в дальнейшем подвержены всем происходящим в языке изменениям, в частности звуковым, ничем не отличаясь в этом отношении от всех остальных его слов³.

Адаптация наблюдается, таким образом, на разных языковых уровнях, охватывая как фонетику и морфологию, так и семантику заимствованных слов. Само собой разумеется, что при наличии разных графических систем (например, русской и украинской, с одной стороны, и румынской, с другой) она проявляется также в области графики. Ниже мы попытаемся уделить внимание первым двум сторонам вопроса, так как семантическая адаптация восточнославянских элементов уже освещена в специальной литературе⁴, а при рассмотрении четвертого аспекта особых трудностей не возникает.

В связи с румыно-восточнославянскими языковыми отношениями следует подчеркнуть одну любопытную особенность. Несмотря на то, что восточнороманские и восточнославянские языки принадлежат к разным индоевропейским группам, адаптация заимствований, в частности в фонетическом плане, не была сопряжена с особыми препятствиями. Это обстоятельство, очевидно, следует объяснить тем фактом, что ру-

¹ Среди наиболее распространенных названий явления «адаптации» (мы будем пользоваться именно этим встречающимся чаще всего в романistique термином, так как, на наш взгляд, он выражает с предельной точностью специфику данного процесса) обращают на себя внимание: «ассимиляция» (Л. А. Булаховский, Р. А. Будагов), «акклиматизация» (Е. Рихтер), «освоение» (А. А. Реформатский), а также «приспособление», «переоформление» и др., вообще лишенные однозначности.

² См., например, Е. SAPIR, *Language. An introduction to the study of speech* (русский перевод), М.—Л., 1934, стр. 155.

³ Н. PAUL, *Prinzipien der Sprachgeschichte* (русский перевод), М., 1960, стр. 465.

⁴ См. нашу статью *Elemente est-slave in limbile română și moldovenească (Observații semantice asupra împrumuturilor din e.v. XII—XIX)*, «Лимба ши литература молдовеняскэ», 1959, 4, стр. 37—45.